
О. В. ГОЛОВАШИНА

**ОТ БЛИЗОСТИ К ОБЩЕМУ БЛАГУ:
ПРАЗДНИКИ И ПРОБЛЕМА
ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ***

В статье автор исследует практики отмечаания праздников принимающего сообщества мигрантами, а также влияние праздничной культуры на проблему интеграции мигрантов. Актуальность данной темы обусловлена ростом миграционных потоков и необходимостью поиска новых теоретико-методологических ресурсов для изучения взаимодействия мигрантов и местных жителей. Для решения поставленной задачи автор обращается к идее множественных миров А. Шюца, а также теории градов Л. Тевено и Л. Болтански. Опираясь на работы этих исследователей, автор описывает виды праздников, в которые в разной степени включены мигранты. Категория «режим вовлеченности» Л. Тевено позволяет говорить о направленности на реальность и социальном действии как следствии этой направленности, а также направленности на определенную форму блага. На основе проведенной работы автор делает вывод о том, что интеграция мигрантов связана с выходом из режима близости, вовлечением в представление об общем благе, выработкой, в том числе в процессе споров, общих принципов и конвенций.

Ключевые слова: миграция, принимающее сообщество, множественные миры, режим вовлеченности, интеграция мигрантов, Шюц, Тевено, Болтански, национальные праздники, государственные праздники.

In the article, the author explores the practice when migrants celebrate the holidays of the host community, as well as the impact of holiday culture on the problem of integration of migrants. The relevance of this topic lies in the growing migrant flows and the need to find new theoretical and methodological resources to study the interaction between migrants and local residents. To solve this problem, the author refers to the idea of multiple worlds by Alfred Schütz,

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 17-78-20149 «Культурная память в России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации».

as well as the theory of grads by Laurent Thévenot and Luc Boltanski. Basing on their works, the author speaks about types of holidays in which migrants are involved to varying degrees. The category of the “mode of involvement” by Thévenot allows speaking about a focus on reality and social action as a consequence of this focus, as well as about focus on a certain form of the good. Based on this work, the author concludes that the integration of migrants is associated with the exit from the regime of coming closer together and with involvement in the idea of the common good, including the development of common principles and conventions in the process of disputes.

Keywords: *migration, host communities, multiple worlds, engagement mode, integration of migrants, Schütz, Thévenot, Boltanski, national holidays, public holidays.*

Исследование свободного времени вообще и праздников в частности довольно актуально для современной социальной теории. «Праздники организуют время и образуют костяк повседневной жизни... они служат гарантией благонравия, ибо дозволенные ими излишества – это временная отмена жесткой упорядоченности и строгости, не позволяющая необузданной стихии захлестнуть размеренный ход будней и жизни в целом» [Озуф 2003], однако, исследуя трансформацию социального порядка в период праздника, мы можем лучше понять организацию этого порядка вообще. Праздник посредством связанных с ними определенных практик способствует актуализации прошлого и дальнейшей трансляции опыта (реального, представляемого) предыдущих поколений. Через мемориальные аспекты при помощи социальных практик праздник способствует солидаризации сообщества, которое с ним связано. Однако усиление миграционных потоков приводит к тому, что участниками праздничных мероприятий оказываются люди, опыт предыдущих поколений которых отличается от сложившихся в принимающем сообществе представлений. Этот процесс является для нас предметом особого интереса, так как позволяет, во-первых, проследить, как трансформируется сам праздник под влиянием мигрантов, во-вторых, исследовать влияние меняющейся праздничной культуры на их интеграцию.

Под мигрантами в данной работе мы понимаем людей, которые добровольно переехали на длительное время или на постоянное

место жительства в другую страну. Мы понимаем, что мигрант в стране с близкой культурой (украинец в Польше или России) чувствует себя не так, как мигрант, образ жизни которого сильно отличается от территории пребывания (сириец в Европе), но исходим из того, что между всеми мигрантами существуют общие черты, которые отлично описаны Г. Зиммелем в эссе «Чужак» [Зиммель 2008]. Мигрант, неважно из какой страны, «приходит, чтобы остаться»; от страны его исхода может зависеть успешность его интеграции (и само желание интеграции), но положение «чужака» будет характерно для всех мигрантов. Мы сознательно не касаемся положения беженцев, вынужденных переселенцев, трудовых мигрантов, которые не стремятся к интеграции, а также не говорим о миграции внутри одной страны. Акцент на праздниках как задача, поставленная в данной работе, позволяет обращать внимание на способы и модели интеграции.

Под праздниками в нашей работе имеются в виду семейные праздники, а также национальные праздники принимающего сообщества или интернациональные праздники, которые отмечают мигранты или каким-либо образом участвуют в отмечании. Далее мы рассмотрим типологию праздников и ее особенности подробнее.

Для решения поставленной задачи мы обратимся к категориальному аппарату, предложенному А. Шюцем. Категория «жизненный мир», которую Шюц взял у Э. Гуссерля, в его работах становится той областью социальной реальности, на которую конкретный человек может влиять и изменять ее. Шюца интересует не мост между научным знанием и жизненным миром, о необходимости которого говорил Гуссерль, а та социальная реальность, с которой взаимодействует человек. Это понятие в более поздних работах социальных теоретиков станет основой такой категории, как повседневность. Однако мы подчеркиваем, что праздники, хотя зачастую в исследовательской литературе и противопоставляются повседневности, также являются частью «жизненного мира». Интеграция мигрантов опирается на «взаимость перспектив», которая выступает в качестве основы социального взаимодействия и социализации вообще, а праздник позволяет скоординировать перспективы даже более, чем повседневное взаимодействие. Человек исходит из

того, что другой человек видит и воспринимает окружающее так же, как и он сам. То есть вместо личного, неповторимого индивидуального опыта значимыми оказываются типизирующие конструкты. Однако, кроме типичного, важна также биографическая ситуация. Сложно поверить, что местный житель и мигрант будут одинаково видеть и тем более понимать какой-нибудь символ во время национального праздника. «Пока нет свидетельств обратному, я считаю само собой разумеющимся – и полагаю, что и другой тоже, – что различия перспектив, проистекающие из уникальности наших биографических ситуаций, нерелевантны наличным целям каждого из нас и что “мы” предполагаем, что каждый из нас отбрасывает и интерпретирует реально или потенциально общие нам объекты и их свойства одинаковым образом или, по меньшей мере, в “эмпирически идентичной” манере, достаточной для всех практических целей» [Шюц 2004: 15]. Но здесь возникает вопрос: является ли для мигранта местный житель (или мигрант для местного) просто Другим, или все-таки больше Чужаком? Это не значит, что коммуникация между ними во втором случае будет невозможна, но конструкты, которые лежат в основе этой коммуникации, будут отличаться. То есть Шюц подчеркивает, что в большинстве случаев в нашем общении биографическая ситуация не имеет значения, так как сама структура повседневного мира формирует те или иные особенности взаимодействия. Собеседник, таким образом, воспринимается не как личность, а как определенный тип (например, мигрант). Однако мы считаем, что взаимодействие с мигрантом как Чужаком отличается от общения с Другим.

Еще одной важной для нашей работы идеей А. Шюца является представление о множественности реальностей. В ее основу положены идеи американского прагматиста У. Джемса, переосмысленные через феноменологические идеи Э. Гуссерля. Человек живет в разных реальностях: мир чувственно воспринимаемых вещей, мир науки, религии, сновидений, игры и т. д. Каждый из этих миров реален, пока на него направлено наше внимание. Верховным оказывается мир повседневности, так как только в этом мире возможна коммуникация и только этот мир мы можем менять посредством собственной активности. Естественная установка, с которой

Шюц связывает повседневную реальность, может давать сбой, когда человек живет среди представителей другой культуры. Мигрант оказывается как бы между двумя мирами повседневности – тем, к которому он привык в стране исхода, и повседневностью нового места жительства. Несмотря на то, что в предлагаемой работе мы обращаем внимание именно на праздники, подчеркнем, что праздник не обязательно предполагает мир театра или еще что-либо, противостоящее повседневности, поскольку для мигранта этот мир выступает объектом сознательных усилий по его адаптации. Поэтому для дальнейшего анализа поведения мигрантов нам необходима еще одна категория – режим вовлеченности. Эта понятие используется различными теоретиками и особенно практиками – от фрейм-аналитиков до специалистов по менеджменту в организациях, но нам кажутся наиболее важными для решения наших проблем идеи французского теоретика Л. Тевено. Во-первых, акцент Тевено и его соавтора по теории градов на справедливость позволяет говорить о возможности исследования конструирования социальной сплоченности, сообществ через разделяемые трактовки справедливости; во-вторых, избегая критического подхода, характерного для социологии практик, мы, тем не менее, можем обращать внимание не только на высказывания, но и на действия субъектов; в-третьих, теоретическая рамка, предлагаемая Тевено, позволяет лучше проанализировать динамику режимов вовлеченности, их переход один в другой.

Свое обоснование теория градов, следствием которой является понятие режима вовлеченности, получает в рамках прагматистского поворота в социальной теории, представители которого, противопоставляя исследованию классов и социальных групп анализ конкретных ситуаций, осмысливают роль материальных предметов в этих ситуациях. В соответствии с этим полем французские теоретики Л. Тевено и Л. Болтански акцентируют внимание на самой ситуации, не определяя заранее, кто в нее вовлечен и кто как действует. Это приводит к отказу от критической позиции (характерной, например, для П. Бурдьё) как к основному методологическому принципу. То есть Тевено и Болтански не согласны с позицией, в соответствии с которой «компетенции обычных людей и их

устремления не воспринимаются социологом всерьез и рассматриваются лишь как обман или иллюзия» [Dosse 1997: 15], а исследователь оказывается арбитром, который имеет право судить о скрытой от «обывателей» реальности. В отличие от Бурдьё, авторы считают, что расчетливость и стремление к господству – не единственные желания людей, их взаимодействия могут определяться эмоциями, чувствами, солидарностью, то есть совместные действия индивидов не обязательно связаны с расчетливостью. Таким образом, подход Тевено и Болтански позволяет проанализировать действия индивидов не только как рациональных субъектов, а с позиции их ценностных ориентиров, мотиваций и оценочных суждений. Это особенно важно для нашей работы, так как наше внимание концентрируется на исследовании места прошлого опыта мигрантов, памяти в возможностях интеграции. Ранее, насколько нам известно, подобный подход не использовался в исследованиях миграции.

С позиции прагматистского поворота Л. Тевено и Л. Болтански продолжают теорию множественных миров А. Шюца. Их миры (как проявление «градов», то есть разворачивание существующих в них правил и принципов в социальном поведении людей) – это разные модели обоснования справедливости (мир вдохновения, рыночный мир, патриархальный [домашний], промышленный, гражданский, мир репутации), позволяющие исследовать, как люди приходят к согласию во время своих ежедневных практик. Эти миры не замкнуты, а, наоборот, сталкиваются, конкурируют; их взаимодействие оказывается одной из проблем для анализа социальных теоретиков. «В центре внимания Л. Болтански и Л. Тевено – не несоизмеримые и замкнутые на себе миры, а столкновение принципов различных миров и их возможные сочетания в рамках той или иной социальной организации или конкретной ситуации» [Ковенева 2007: 55]. Мы не будем останавливаться подробно на описании градусов, так как эта тема достаточно хорошо представлена в отечественной социальной теории [Ее же 2008; Наумова 2014а; 2014б; Карчагин 2019], а сконцентрируемся на том, как помогают интуиции французских теоретиков решить поставленную в статье задачу.

Мы считаем, что идея справедливости, анализу которой посвящена теория градов, напрямую связана с практиками интеграции мигрантов. Во-первых, как отмечают сами авторы, каждый град предполагает модели достижения согласия на основе представлений о справедливом и должном, а это, на наш взгляд, лежит в основе практик солидарности и, соответственно, интеграции мигрантов. Болтански и Тевено подчеркивают, что существует только уровень практик, а выделенные ими грады не конструируют практики, а показывают существующие модели. Во-вторых, авторы в своем подходе подчеркивают возможность сравнения различных культур, относительность культурных ценностей без крайностей культурологических подходов, что наиболее ценно для анализа положения мигрантов в принимающем сообществе.

Описывая взаимодействие внутри этих миров, Л. Тевено вводит термин *режим вовлеченности* [Thévenot 2000; 2005]. Под этим он имеет в виду не субъективный опыт или представление, а направленность на реальность и социальное действие как следствие этой направленности, а также направленность на определенную форму блага. Тевено выделяет три основных режима вовлеченности: режим близости, режим плановых действий, публичный режим. Режим близости основан на привязанностях, в его основе лежат персональные формы вовлеченности; это мир близких людей и привычных вещей. Тевено отмечает, что в этом режиме большее значение имеет невербальная коммуникация. С одной стороны, язык (соответственно, слабое его знание) не оказывает влияния на возможность коммуникации, с другой – привычность жестов, мимики часто бывает обусловлена культурой. Режим плановых действий совпадает с наиболее разработанными в социальной теории рациональными действиями; он связан с достижением конкретных поставленных целей, основное в его оценках занимает результативность. Человек в этом режиме становится самостоятельным ответственным индивидом, осуществляющим стратегический рациональный выбор, а окружающие его люди и вещи – средой, необходимой для выполнения проекта. Публичный режим предполагает возможность высказываний об общем благе и связан с высшими принципами. Именно в этом режиме путем споров вырабатываются различные

конвенции, позволяющие индивидам уверенно себя чувствовать. Причем чем больше людей вовлекается в этот спор, тем к более общим ценностям будут апеллировать участники, что иногда позволяет актуализировать, выявить ценности, к которым в повседневной жизни индивиды не обращаются.

Несмотря на то, что в основе социологии градов лежит акцент на анализе суждений, Тевено обращает внимание на важность учета материальных предметов окружающего мира. «В споры вовлечены не только люди, но и значительное количество предметов: например, в случае профессионального спора это компьютер, данные в котором были стерты; в случае спора между наследниками – это дом или земля; или в случае домашней сцены – посуда, которую нужно вымыть и так далее. Система анализа должна быть предназначена для того, чтобы рассматривать споры реального мира, то есть описывать то, каким образом споры связывают друг с другом людей и предметы» [Болтански, Тевено 2000: 67]. Акцент на материальных предметах, которые способствуют формированию того или иного режима вовлеченности, позволяет при анализе обращать внимание на социальные практики, использование материальных предметов в которых оказывается довольно распространенным. Этот подход также расширяет возможности описания мигрантов. Миграция всегда связана с использованием новых (других) вещей, с другим контекстом уже знакомых предметов. Возможно, подходящим режимом взаимодействия для мигрантов мог бы стать режим исследователя, с которым связан интерес к новому, возможность сюрприза, о котором Тевено также упоминает [Опыт...], однако если мы признаем эту рамку в качестве основной для взаимодействия мигранта и принимающего сообщества, то должны будем согласиться с невозможностью интеграции мигрантов. К тому же этот режим может быть характерен для приезжающих в первое время, знакомства с городом и культурой, или для туристов. Поэтому при дальнейшем анализе мы ограничимся тремя выделенными Тевено режимами. Источники для развития своей концепции вовлеченности Тевено находил во время исследований общежитий в Сан-Диего, а также в Париже и Санкт-Петербурге. Таким образом, «вопрос режимов вовлеченности – это вопрос разных режимов

близости и наложения этих режимов» [Тевено 2006], что возможно не только в обычном общежитии, но и в городах, населенных пунктах, в которых мигранты и местные жители сосуществуют вместе.

Важным для нашего исследования представляется также то, что Тевено подчеркивал связь того или иного режима вовлеченности с проблемой идентичности. Близость – это наиболее комфортное ощущение себя, способ согласованности собственной идентичности; однако человек включен во множество режимов вовлеченности, влияющих на его личность [Опыт...], при этом окружение и материальные предметы оказывают прямое влияние как на эти практики режима вовлеченности, так и, следовательно, на самоощущение участника этих практик. Подчеркнем, что выделенные Тевено режимы не существуют сами по себе, а связаны друг с другом, что позволяет отследить динамику перехода с одного режима на другой. Тевено, таким образом, преодолевает традиционную для социальной теории дихотомию публичного и частного. Между участниками взаимодействия могут быть близость, напряжение (но еще не ссора), привычные (плановые) действия, публичные оправдания. Для решения поставленных задач нас интересуют не столько довольно тонкие различия между этими режимами, сколько сама возможная динамика от максимальной близости до публичности.

Еще одна важная интуиция Тевено, которая будет использоваться в предлагаемой работе, связана с тем, что о близости идет речь не только в синхронном, но и в диахронном измерении. Любимая чашка мамы не только близка, потому что я вижу ее каждый день, но и потому, что связывает меня с мамой. Вовлеченный человек не только связан с ситуацией, но и может на нее влиять. Моральные категории (добро, справедливость и т. д.) оказываются, таким образом, зависимы от практической деятельности людей, социальных норм как определенных законов поведения.

Исходя из описанной выше теоретико-методологической базы, была подобрана соответствующая источниковая база. Она представлена сообщениями на форумах, в социальных сетях, комментариями в сети Интернет (публичный режим), наблюдением за поведением в вузах, на работе в среде принимающего сообщества (ре-

жим плановых действий), глубинными интервью с мигрантами (режим близости). Анализ источниковой базы с опорой на идеи Л. Тевено, Л. Болтански, А. Шюца позволил рассмотреть место праздников в стратегиях интеграции мигрантов. Мы сознательно не касались эмоций, переживаний отдельных мигрантов по отношению к праздникам, так как это выходит за границы нашей работы.

Праздник мы оцениваем как «отчетливо выраженную коммеморативную практику, направленную на конституирование и сохранение определенного сообщества. В этом смысле он является универсальным культурным феноменом, проявляющимся на всех уровнях социальной системы – от локальных семейных застолий до общенародных торжеств, приуроченных к вступлению в должность очередного политика, либо к празднованию символически значимой в государственном масштабе даты» [Аникин 2008].

Интервью, опросы подтверждают, что мигранты довольно активно включаются в проведение праздников, так как, включаясь в праздничную культуру страны (территории) пребывания, мигрант интегрируется в местные сообщества. Но с другой – само это включение требует от него дополнительных ресурсов. Праздник, особенно если речь идет о национальных и интернациональных праздниках, которые нас больше интересуют для реализации поставленных целей, предполагает определенную структуру празднования – народные гуляния, ярмарки, концертная программа. Причем структура в целом сама по себе носит интернациональный характер, что позволяет мигрантам включаться в праздники на разных этапах в максимально комфортном для себя статусе. Но эта структура и может вызвать иллюзию близости, потому что привычные практики оказываются связаны с новыми смыслами.

Исходя из задач, поставленных в этой работе, мы разделили праздники на семейные, национальные, интернациональные; практики празднования, в свою очередь, могут осуществляться в домашней среде или публичной. Таким образом, при накладывании этой схемы на режимы вовлеченности, предложенные Тевено, мы получаем следующие возможные ситуации.

Семейный праздник отмечается в семейном кругу. Здесь проявляет себя только режим близости. Такие праздники транслируют

семейную память, однако они не могут способствовать интеграции. В ситуации эмиграции стремление сохранить собственную идентичность может привести к акцентуации семейных традиций, отмечанию даже тех праздников, которым в стране исхода не уделялось внимания. Это особенно характерно для мигрантов средних лет, которые переезжают семьями по экономическим причинам; дополнительным фактором оказывается неблизкая культурная среда страны пребывания. Если семья противопоставляется большому внешнему миру с другой культурой, то это создает риски для интеграции.

В смешанных семьях, при большом количестве гостей разных культур, такой праздник может превратиться в презентацию другой культуры, но тогда мы должны говорить об этой презентации, а не о семейном празднике, и основной режим вовлечения здесь будет связан с плановыми действиями. В этом случае речь идет больше о презентации, чем об интеграции (хотя она также возможна), но подробно останавливаться на таком варианте не стоит, так как мы рассматриваем его в качестве исключения.

Семейный праздник отмечается в публичном пространстве. Скорее, речь может идти только об одном из этапов этого праздника (например, прогулка во время свадьбы), который, как правило, связан с рациональными аспектами, а следовательно, может рассматриваться в режиме плановых действий. Переход к режиму близости (семейный ужин после прогулки) позволяет отследить, какие аспекты акцентируются в предыдущем режиме. В большинстве случаев мигранты не акцентируют национальные традиции празднования в публичном пространстве страны исхода, если для этого не создается специальных условий (этнические деревни, праздники национальных культур и т. д.), поэтому публичные эпизоды семейных праздников почти не отличаются от подобных эпизодов у представителей принимающего сообщества.

Национальный праздник отмечается в семейном кругу. Как правило, в случае национальных праздников принимающего сообщества речь идет об адаптации традиций мигрантами. Сам факт отмечания свидетельствует о желании интеграции и – зачастую – о стремлении подчеркнуть эту интеграцию. Любой национальный

праздник связан с историей, и для включения в празднование эту историю необходимо знать (тем более ее интерпретацию местными жителями); однако повторение некоторых ритуальных действий может способствовать интеграции.

Так как национальные праздники, как правило, оказываются выходными днями, мигранты используют их как повод собираться со своими близкими. Несмотря на то, что речь идет о поводе, во всех наблюдаемых случаях участники упоминают о том празднике, который позволил им собраться.

Национальный праздник отмечается в публичном пространстве. В этой ситуации происходит включение в дискурс публичного режима на максимально доступном для себя уровне. Структура праздника предполагает разные способы участия: массовые гуляния, ярмарки, концерты, конкурсы. Даже прогулка по ярмарке может способствовать интеграции. Наблюдения показывают, что в первые годы переселения мигранты довольно активно включаются в национальные праздники, даже если не понимают смыслы, которые вкладывает в них принимающее сообщество, или не согласны с ними. Пик участия происходит на 2–3-й год, далее активность снижается. Большинство мигрантов продолжают отмечать национальные праздники, только если это связано с их работой или – в единичных случаях – если они состоят в браке с представителем принимающего сообщества (но в этом случае обычно национальные праздники больше отмечаются в семейном кругу). Однако отметим, что большинство представителей принимающего сообщества также не стремится к активному участию в отмечании национальных праздников в публичном пространстве, поэтому выявленную тенденцию можно рассматривать как одно из проявлений интеграции. Отмечание местных праздников в рамках организованных представителями мигрантов вечеринок «для своих» также относится к публичному режиму, поскольку большинство участников этого мероприятия плохо знакомы (или незнакомы) между собой. Но этот формат позволяет познакомиться с праздничной культурой принимающего сообщества без травматического опыта, который мог бы быть получен в компании принимающего сообщества.

Необходимо также сказать о тенденции распространения праздников национальных культур, которые устраиваются во многих городах. Это происходит при доминировании режима плановых действий, поскольку сам праздник воспринимается мигрантами в таком случае как работа. Структура подобных мероприятий предполагает, что собственная культура оказывается представлением для принимающего сообщества. Мигрант выступает не столько носителем культуры, сколько представляет ее в мире театра. В этих условиях сохраняются только те элементы культуры, которые наиболее подходят для того, чтобы быть «упакованы» в качестве сувениров или оказываются наиболее интересными/понятными принимающему сообществу. С этим связаны риски как для мигрантов, так и для принимающего сообщества. Мигранты в этой ситуации теряют фундамент для собственной идентичности, при этом оценка своей культуры с позиции мира театра не способствует интеграции в другую культуру. Принимающее сообщество, в свою очередь, видит в мигрантах не потенциальных соотечественников, а условных актеров. Вслед за Шюцем мы уже подчеркивали, что коммуникация возможна только в мире повседневности, поэтому практики интеграции должны быть связаны с развитием коммуникации. Подчеркнем также, что сама возможность подобного празднования свидетельствует о той самой трансформации праздничной культуры, о которой мы говорили в начале статьи.

Интернациональный праздник отмечается в семейном кругу. Как правило, в этом случае мы имеем дело с трансляцией привычных в стране исхода практик. Хотя здесь имеет смысл говорить не о режиме близости, а о стремлении к нему, так как, по данным интервью, мигранты сталкиваются с тем, что полностью повторить семейные традиции, принятые в стране исхода, невозможно: например, нельзя найти необходимые продукты для приготовления традиционных блюд, или, несмотря на наличие продуктов, вкус получается «не тот», отсутствуют важные элементы, которые стали частью праздника (снег на Рождество, например), или окружающая среда мешает осуществлению каких-либо ритуалов. В итоге доминирующим режимом оказывается режим плановых действий, так как воспроизведение определенных практик, принятых в семейном

кругу, как правило, подчинено рациональным мотивам. Длительное время находясь в принимающем сообществе, мигранты постепенно вводят в интернациональные праздники элементы практик страны пребывания.

Интернациональный праздник отмечается в публичном пространстве. Ситуации, когда речь идет о праздниках, распространенных в стране исхода, но празднование которых принято в принимающем сообществе, более способствуют созданию иллюзии включения в публичный режим. Однако то общее, что вызывает в мигранте иллюзию узнавания (елка на Рождество, например), оказывается фактором, мешающим реальному включению в публичный режим. Память здесь выступает в качестве мешающего фактора. Участвуя в рождественских ярмарках, мигранты из русскоязычных стран подчеркивают, что Рождеством считают 7 января. В мероприятиях, которые устраиваются русскоязычными сообществами в ночь на 25 декабря, как правило, избегают религиозной символики.

Однако именно этот случай в большей степени может способствовать включению в публичный режим. Повторение ритуальных практик способствует интеграции участников вне зависимости от их отношения к этому празднику. Встречающие Новый год на главных площадях столиц могут быть местными жителями, туристами или мигрантами, но это не будет иметь значения именно в этот день. Праздничная атмосфера способствует завязыванию новых связей, в том числе с представителями принимающего сообщества.

В публичном режиме, как мы заметили выше, действия связаны с общим благом, а любые взаимодействия подчинены конвенциональности. Поэтому именно публичный режим вовлеченности хорошо способствует интеграции мигрантов. Праздники, особенно национальные, направлены на повышения социальной сплоченности. Мы исходим из выводов Э. Дюркгейма о социальных практиках как основе формирования солидарности членов сообщества. Он показал, что исключительно договорных отношений недостаточно для сохранения социальной сплоченности [Дюркгейм 1991: 198], необходимы также ритуалы, транслирующие ценности, признаваемые коллективом. Сама ритуализированная структура праздников направлена на включение в сообщество, даже если мигрант проис-

ходит из другой культуры, так как, с оговорками, указанными выше, способствует переключениям из одного мира в другой; музыка, декорации, время, место – это облегчает включение мигранта в новую и незнакомую для себя обстановку.

Анализ возможных вариантов праздников с позиции режимов вовлеченности показывает, что для успешной интеграции необходимо выйти из режима близости. Таким образом, задача интеграции мигрантов – это перевод праздничных практик из режима близости в публичный и режим плановых действий. Интеграция связана с вовлечением в представления об общем благе, выработкой, в том числе в процессе споров, общих принципов и конвенций. Сама по себе выработка конвенций предполагает вовлечение в публичный режим большого количества людей, что способствует формированию общего поля мигрантов и принимающего сообщества.

Литература

Аникин Д. А. Праздник как элемент культурной памяти миграционного сообщества // *Studia Humanitatis*. 2018. № 2. URL: <http://st-hum.ru/journal/no-2-2018?page=1> (дата обращения: 23.12.2019).

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Зиммель Г. Экскурс о чужаке // *Социологическая теория: история, современность, перспективы*. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.

Карчагин Е. В. Проблема множественной справедливости // *Концепт*. 2019. № 4. URL: <https://e-koncept.ru/2019/1930928.html> (дата обращения: 23.12.2019).

Ковенева О. В. Грани опыта в свете американского прагматизма и французской прагматической социологии // *Человек. Сообщество. Управление*. 2007. № 4. С. 39–63.

Ковенева О. В. Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлеченности» // *Социологический журнал*. 2008. № 1. С. 5–21.

Наумова Е. М. Проблема конфликта в прагматической социологии // Конфликтология. 2014а. № 1. С. 32–44.

Наумова Е. М. Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлеченности» в капитализм // Социологическое обозрение. 2014б. Т. 13. № 3. С. 246–251.

Озуф М. Революционный праздник. 1789–1799. М. : Языки славянской культуры, 2003.

Опыт совместной жизни людей предполагает одну масштабную проблему: социолог Лоран Тевено об интимной связи с миром. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8008-intime_sociology (дата обращения: 23.12.2019).

Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигуры социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 285–313.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОСПЭН, 2004.

Dosse F. L'empire du sens. L'humanisation des sciences humaines. Paris : La Découverte & Syros, 1997.

Thévenot L. L'action comme engagement // L'analyse de la singularité de l'action / Sous dir. J.-M. Barbier. Paris : PUF, 2000.

Thévenot L. The Two Bodies of May 68: In Common, in Person // The Disobedient Generation: '68ers and the Transformation of Social Theory / Ed. by A. Sica, St. Turner. Chicago : University of Chicago Press, 2005.